

А. Н. Гордей (Минск)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС И КОМБИНАТОРНАЯ СЕМАНТИКА

В современном языкознании под влиянием когнитологии [16], [17], прагматики [5] и теории информации [8], [15] постепенно утверждается представление о том, что **семантика – это раздел языкознания, изучающий отношение языка к модели мира, в отличие от философии, призванной изучать отношение модели мира к миру**. Появляется все больше работ по управлению знаниями (Knowledge Management), пониманию естественного языка (Natural Language Understanding), обработке данных на естественном языке (Natural Language Processing). Иными словами, традиционные интуитивные описания семантики сменяются процедуральными, привлекают внимание возрастающего числа философов, логиков и математиков, которые, обращаясь к указанной проблематике, по сути дела, превращаются в лингвистов.

К сожалению, белорусские языковеды редко ссылаются на труды Б. Рассела, Л. Витгенштейна, А. Уайтхеда, Г. фон Вригта, Р. Карнапа, К. Айдукевича и других представителей лингвистической философии и критики языка. В 60-х годах XX века И. Бар-Хиллел сетовал на то, что в Америке «идеи Поста и Кэрри профессиональным лингвистам были известны не лучше, чем работы Карнапа и Айдукевича» [2, с. 274]. С тех пор в Америке многое изменилось, да и в России в недавно переизданной «Семиотике» Ю. С. Степанова концепции К. Айдукевича посвящен ряд разделов [13]. Пора обратить серьезное внимание на эти работы и нам, поскольку без критического отношения к языку, без осознания того, что в основе мышления лежит некий внутренний код [7], [9], а **язык является, прежде всего, средством сознательного управления интеллектуальной деятельностью, протекающей главным образом на подсознательном уровне**, что именно внутренний код конструирует модель мира, которая затем интерпретирует язык, и что лишь благодаря жизненному опыту мы правильно понимаем фразы типа *варить кофе в кофейнике* и *варить кофе в кабинете*, поэтому модель мира или пресуппозиция и языковая картина мира или, в терминологии Е. В. Падучевой, презумпция [11] [6, с. 66] различны настолько, насколько различны целое и часть, – без осознания всего этого вряд ли удастся добиться непротиворечивости и

сопоставимости семантических описаний конкретных этнических языков, увидеть за их разнообразием единство глоттогонического процесса [10], [3].

В подтверждение сказанного приведем два примера из английской и русской прозы XIX–XX вв. Роман М. Булгакова «Собачье сердце», Швондер Преображенскому: – *Пришли к вам после общего собрания жильцов дома, на котором стоял вопрос... – Кто на ком стоял?* – крикнул Филипп Филиппович. – *Потрудитесь излагать ваши мысли яснее.* Сказка Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес», перевод фрагмента Ю. Данилова: – *Глупости!* – *рассердилась Мышь...* – *Как я от них устала! Этого просто не вынести!* – *А что нужно вынести?* – *спросила Алиса. (Она всегда готова была услужить.)* – *Разрешите, я помогу!* – *И не подумаю!* – *сказала обиженно Мышь...* – *Болтаешь какой-то вздор! Ты, верно, хочешь меня оскорбить!*

Разграничение модели мира и языковой картины мира не только снимает противоречия в анализе содержания текста, но и позволяет по-новому взглянуть на наведенную экспрессию или, в терминологии некоторых исследователей, коннотативный подтекст [1, с. 7]: *Ах, чаю тебе, чаю! Ах, дура, кофе, кофе! Ах, радость моя пришла! – кудяхтала* Леночка, каждое слово повторяя дважды и обмахивая воздух вокруг головы единственным в мире жестом, своим собственным (Л. Улицкая. Медея и ее дети). Если прав Г. Фреге, распространявший положения лексической семантики на синтаксическую, а с ним можно согласиться, потому что для толкования значения слова необходимо развертывать предложение, то подтекстом придется называть и коннотативное значение слова. Вывод неожиданный. Однако давайте рассмотрим пример *жрать водку*. Естественно, водку жрать нельзя, поскольку водка не мясо. В противном случае придется признать, что одним из значений слова *жрать* является *пить*, и затем кодифицировать сочетание *жрать сок*. А если водку или сок жрать нельзя, то придется также признать, что коннотативный подтекст возникает всякий раз, когда слово употребляется вопреки его системному или ядерному значению. Слово *жрать* используется нами по отношению к миру животных, поэтому фраза *Змея сожрала мышь* эмоций не вызывает. Использование же этого слова в мире людей рождает сильную коннотацию: – *Профессор, Вы уже пожрали?* Но тогда у прагматики исчезает предмет иссле-

дования, потому что все удастся описать с помощью семантики и синтактики [14]. Весьма эффективной здесь оказывается теория автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПАЗ) [4], формальный аппарат которой позволяет выявить типичные случаи расхождения модели мира и языковой картины мира на стыке ролей индивидов: *субъект* → *инструмент* (*активатор* → *суппрессор* → *усилитель* → *преобразователь*) → *медиатор* (*ориентир* → *локус* → *транспортёр* → *адаптер* → *материал*) → *объект* → *продукт* и их признаков: *модальная акция* → *основная акция*, что особенно важно при прямом и обратном переводе с родного языка на иностранный.

Приведем примеры расхождений в описаниях:

а) *субъекта* (*субъект* ~ *инструмент* ~ *локус*)

— *книга лежит в портфеле* (рус.) ~ *the book is [lying] in the bag* (англ.) ~ *皮包里放着书* (кит.), букв.: *внутренняя поверхность* портфеля (со)держит книгу, т. е. *人在皮包里放着书 некто* (со)держит книгу во внутренней поверхности портфеля;

б) *инструмента* (*инструмент* ~ *локус*)

— *разговаривать по телефону* (рус.) ~ *talk by phone* (англ.) ~ *在电话里谈话* (кит.), букв.: *разговаривать внутри телефона*, т. е. телефон рассматривается в китайской языковой картине мира как информационный локус;

в) *медиатора* (*ориентир* ~ *локус*; *материал* ~ *инструмент*; смежный локус ~ *прямой локус*)

— *недалеко от меня есть станция метро* (рус.) ~ *the subway station is near me* (англ.) ~ *离我这儿不远有地铁站* (кит.), букв.: *недалеко от того места, где я нахожусь, есть станция метро*.

— *дом сделан из камня* (рус.) ~ *房子用石头盖的* (кит.), букв.: *дом сделана при помощи камня*;

— *стоять под дверью* (рус.) ~ *站在门旁边* (кит.), букв.: *стоять возле двери*;

г) *объекта* (*объект* ~ *продукт*)

— *пробить дырку в стене* (рус.) ~ *穿墙作孔* (кит.), букв.: *пробить стену*, сделав в ней дырку;

д) *продукта* (*продукт* ~ *объект*)

— *забить гол* (рус.) ~ *进球* (кит.), букв.: *вести мяч*;

— *замесить хлеб* (рус.) ~ *和面* (кит.), букв.: *замесить муку*;

е) **акции** (основная ~ модальная; смежная ~ прямая)

— он **говорит** по-китайски? (рус.) ~ does he **speak** Chinese? (англ.) ~ **他会说汉语吗?** (кит.), букв.: он **умеет** говорить по-китайски?

— птица **сидит** на дереве (рус.) ~ **鸟停在树上** (кит.), букв.: птица **остановилась** на дереве;

— pencil **stands** on the table (англ.), букв.: карандаш **стоит** на столе ~ карандаш **лежит** на столе (рус.) ~ **桌子上放着铅笔** (кит.), букв.: поверхность стола **(со)держит** карандаш [12].

Как видим, асимметрия модели мира и языковой картины мира является основной причиной ошибок в интерпретации значения знаков и их синтаксических ролей при переводе с родного языка на иностранный и с иностранного языка на родной. Выявлять и устранять подобные ошибки — важная прикладная задача комбинаторной семантики [3].

1. Ануфриева С. С. Средства и приемы создания подтекста в прозе 90-х годов XX века (на материале произведений русскоязычных и англоязычных авторов). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Мн., 2003.

2. Бар-Хиллел И. Новые результаты в теоретической лингвистике // Математическая логика и ее применения. М., 1965.

3. Гордей А. Н. Основания комбинаторной семантики // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Гродно, 2005. С. 32–35.

4. См.: Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. Мн., 1998.

5. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975.

6. Мартынов В. В. Категории языка. М., 1982.

7. Мартынов В. В. Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний. Мн., 2001.

8. Машина Тьюринга и рекурсивные функции. М., 1972.

9. Мозговые коды психической деятельности. Л., 1977. С. 137.

10. О модели мира и языковой картине мира см. также: Гордей А. Н. Части языка вместо частей речи // Язык. Глагол. Предложение. Смоленск, 2000. С. 258–271; Он же. Парадигма частей языка // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Гродно, 2003. С. 173–179.

11. Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. М., 1977. Вып. 8.

12. По этому поводу см. также Варнакова П. В. Сознательно-практический метод обучения китайскому языку // Вестник ГрГУ. 2003.

Сер. 1. № 3; Она же. Некоторые примеры лакун языкового представления модели мира // Вести Института современных знаний. 2003. № 1.

13. Семиотика: Антология. М., 2001.

14. См. также: Михневич А. Е. О взаимодействии семантики и синтаксиса // Филологические науки. 1969. Вып. 6.

15. *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963.

16. *Minsky M.* The Society of Mind. New-York, 1986.

17. *Talmy L.* Force Dynamic in Language and Cognition // Cognitive Science. 1988. V. 12. # 1.